

Юлия
Надеждинская

В ПИТЕР —
ПО ЛЮБВИ

16+

Юлия Валерьевна Надеждинская

В Питер – по любви-2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33874522

SelfPub; 2018

Аннотация

Книга "В Питер – по любви-2" – это продолжение первой книги с одноименным названием, которая имела подзаголовок "Невыдуманные истории". В ней, как и в первой книге, собраны курьезные случаи, зарисовки, как из жизни автора, так и из жизни знакомых и незнакомых ему людей, его размышления, воспоминания, впечатления от жизни в Санкт-Петербурге. Книга рассчитана на самую широкую читательскую аудиторию.

Когда меня спрашивают, "Что еще можно посмотреть в Питере?", я обычно отвечаю следующее: "Просто выйдите на вокзальную площадь – причальте, приземлитесь – не важно! – вдохните полной грудью нашего – фирменного, невско-го! – воздуха, оставьте в гостинице чемоданы и отправляйтесь гулять! Ходите до изнеможения, до дурноты, пока физически и эмоционально не устанете. Если после этого тесного знакомства с Питером у вас не сорвет крышу от нахлынувших впечатлений, забирайте чемодан и уезжайте обратно!

Если вам с городом будет суждено влюбиться друг в друга – то сразу, взаимно, навечно. Намертво. Протестировано на себе".

Забавные мелочи

Коротко о себе: резкая как пуля, но романтичная, поэтому – блуждающая.

Меня слишком много. Я – как торнадо. Если представить – образно! – что я проникла вдруг в вашу жизнь – стихийно, неожиданно, стремительно! – то я тотчас заполню ее всю, с гаком, до асфиксии, под крышечку. И даже из-под крышечки будет просачиваться воздух.

Имени меня. С моим именем. А потом ее просто... сорвет!

Если исходить из собственного мироощущения, то в прошлых жизнях я была Му-му или княжной Таракановой. Меня непреодолимо тянет конфликтовать с властями, к сырым, полуподвальным помещениям, открытой воде и сильным молчаливым мужчинам с косою саженью в плечах.

Когда все мысли только о любви, ее символы видишь всюду. Прошлой зимой под Ушаковским мостом довольно долго мерцало в свете уличных фонарей затейливо украшенное утками "сердце". А по сути – обыкновенная полынья.

На канале Грибоедова, рядом с Экономическим университетом, тусит юная парочка: непокрытые головы, голые лодыжки, в зубах – по сигарете. Прохожу мимо и едва не усаживаюсь рядом с ними в обледеневший сугроб, услышав:

– И что сказал твой психолог? – спрашивает мальчик, стряхивая пепел в канал.

– Что "академ" нецелесообразно брать, – убирая с лица зеленую прядь, отвечает девочка, – я у нее еще не весь курс прошла, осталось четыре сеанса. А она от меня уже ревет.

Так и подмывало остановиться на пару секунд и предложить, дескать, а давайте я вместо вас, милая барышня, к вашему психологу похожу. Уверю – обрыдается психолог!

Как же я люблю эти дивные фильмы про монстрил в вик-

торианских особняках! Фабула проста: многодетная (так печальной) семья долго выбирает себе жилье, останавливается на варианте "цена не = качество", въезжает, хотя собака скулит так, что кишки наружу, а потом классическое "Age и ОК?", когда у "и" уже тесак из головы торчит, и традиционное «добро» не побеждает зло". Силится, корежится, скукоживается, но, черт бы его задрал, НЕ побеждает!.. Я вот все думаю... надо бы режиссеров "ихних" и сценаристов в наших "хрущевках" для вдохновения поселить. Или в коммуналках. Прочувствовать, почему он, на самом-то деле. Фунт лиха.

Напротив Апраксина двора, на Садовой, есть два маленьких переулка – Банковский и Мучной. И если второй мало чем примечателен, то первый – моя давняя любовь. За разрисованные граффити стены и перманентный драйв в душе во время их созерцания!

Клуб "Money Honey" на Садовой – место культовое. Основан в 1993. Сколько всего за свои четверть века перевидал, сколько народу его перевидало – страшно даже подумать! До недавнего времени мы с девчонками ходили туда каждый месяц. Как на работу. А потом "что-то пошло не так". Прежняя тусовка оттуда ушла. Та, что пришла, состояла из пожилых туристов и юных пионеров. Словом, потеряли мы с клубом друг друга. Но я – нет-нет! – да вспоминаю о нем. Видимо,

мне снова хочется его...найти.

На канале Грибоедова один милый седовласый мужчина потягивал из-под полы шкалик. Увидев меня с камерой, робко спросил: "Я тебе мешаю, дочка? Так ты просто скажи. – Ну, что Вы, – отмахнулась я. – Разве ж мне кто-то может помешать! Я даже в людском потоке – одна!

И тут меня едва не отутюжило проезжающей мимо "маздой"!

-А «Пустырничек», дочка, для себя берешь? – спросил меня у аптечной кассы милый, потерявшийся по жизни мужчина. -Конечно, – без запинки ответила я, отодвигаясь от мужчины, – нервишки шалят. -А не могла бы, дочка, и для меня пузыречек взять? Четырех рублей не хватает...Взяла. -Дай тебе Бог здоровья, красавица, – поблагодарил мужчину, убирая пузырек в карман поношенного пальто. – Я тоже пойду поправлюсь.

Решила, как только сама, красавица, «поправлюсь», перед следующим выходом в народ накрасить глаза. Хотя бы – глаза.

Январь 2010. Лютый. Беспощадный. Не по-европейски – зимний. В Питере – 31 С... Ресницы слипаются и покрываются инеем! Вылетела в ближайший "магазин" без варежек, до-

бежала до него "столбиком", утопив руки в карманах, чтобы избежать их последующей ампутации. Такую зиму – обжигающую кипятком – я не люблю... Хотя солнце во время нее бывает радостное, летнее, щедрое. Исправляющее все погодные "косяки"...

А жить, видимо, надо так, чтобы потом, когда уже все случилось, вернее, когда уже все закончилось, Господь Бог взглянул бы на тебя, потер натруженные селекцией ладошки, зычно крикнул крылатым помощникам: "Ну, и где там ее учетная карточка?!". Ему бы принесли, он бы почитал, а потом отвернулся бы в сторонку, голову ладошкой подпер и заплакал...

-Котик у Вас уж больно замечательный, – говорит уже на пороге "жених". – Интересно, а он погладить себя даст? Или хотя бы за хвост подержать? – А это будет зависеть от того, насколько сильно Вы ему надоели, – без особого политекса отвечаю я, подавая "жениху" зонт. – Судя по его суровой морде, Вам даже до хвоста дотрагиваться уже не безопасно. Так что, благословясь... – Уууу, какой злой кот! – не унижается даже в дверях "жених". – А на вид – такой симпатяга!.. – Так, ежели исключительно на вид смотреть, то и я – симпатяга, – резюмирую я, поворачивая в замке ключ. – Вот только ты попробуй меня, симпатягу, в моем нынешнем настроении за хвост возьми!

Я росла на фильмах 60-70-х, в которых женщины были – роскошные! Нарядные, с прическами. С накладными ресницами. И я, дура малолетняя, мечтала, глядя на них, что вот вырасту и – обязательно наклею себе такие ресницы! И буду смотреть на окружающий мир глазами, к которым приклеили растерзанного мотылька!..

Мужиков у нас мало... Нет, не так. У нас мало МУЖИКОВ! Видимо, природе выгоден матриархат. На одной из станций в вагон поезда «Санкт-Петербург-Казань» сели две молодые дуры. Смуглые, яркие, шумные! Будто отставшие от цыганского табора! Визжали, хохотали, приставали к пассажирам с предложениями пойти покурить.

– Девочки, ведите себя потише, – пыталась урезонить фурий тетка с книгой. – Не ночь ведь, – парировали фурии, щелкая семечки. Тетка улеглась. Из разговора стало понятно, что едут девицы в Москву. Работать в каком-то там салоне. И на вокзале их будет встречать какой-то там Павел. – Уважительно, – подумала я, накрываясь с головой. А в Новгороде в вагон сел молодой мужик в меховой шапке. Долго барабанил пальцами по замерзшему стеклу. Говорил кому-то по мобильнику : "Хватит провожать! Иди домой! Целую! Люблю!".

Наговорился, сел. Я украдкой посмотрела в окно: на перроне стояла женщина лет 30, с грустным личиком. На воротнике пальто – иней. Поезд тронулся.

– Эй, зажигалка есть? – уцепились за мужика девицы. – Пойдем покурим?

Мужик поплелся за ними в тамбур. Минут через десять троица вернулась.

– И Марина Владимировна обещала бесплатное питание, – хвасталась та дура, что побойчее.

– А это безопасно? – спросил мужик. – Стопудово! – завила девица. – Вот, номер-то записан!

Через пару часов они уже были – не разлей вода: девочки, нашедшие для себя по интернету работу в московском борделе, и мужик, спешащий в столицу по делам. Бегали курить, пили ледяное пиво, купленное в замерзших по макушку привокзальных киосках, громко смеялись. Нервировали старушек. В вагоне приглушили свет.

– Эй, я посплю, – обратилась к бойкой малолетке ее спутница. – Через два часа Москва.

– Давай, – согласилась девица, и взяв мужика за руку, потянула его в тамбур... Возвращения их я так и не дождалась – уснула. В ночной Москве все трое стояли на перроне и курили. Мужик одной рукой обнимал свою транзитную визави за талию, она его – за шею. Другая девица с кислым выражением лица стояла чуть в стороне... А я вспоминала выражение лица той девушки, которая покорно провожала в звенящем от холода Новгороде своего мужчину и согласилась уйти с вокзала, только услышав заветное "люблю"...

Рылась в личном архиве. Нашла открытку десятилетней давности от одного явно

придурковатого поклонника. "Юля, желаю тебе поскорее встретить своего Принца", – написал он на ней корявым почерком. И присобачил сбоку сердечко со стрелой, напоминающей штопор... Вот с тех пор все и не Слава Богу! Вкривь и вкось..

Иногда мне кажется, что еще чуть-чуть – и я сойду с ума. Может, у меня такое специфическое строение склеры, что я вижу мир, запаянным в капсулу, скандальным, абсурдным и не соответствующим норме. А, может, у меня просто специфическое понимание нормы, быющее в нос острым запахом нафталина. Или – как компромисс – отсутствие нормы как таковой.

Как-то в далеком детстве я объелась шоколада с орехами и вареной сгущенки. Больше шоколад с орехами и вареную сгущенку я не ем. Сегодня я поняла, что за последние 20 лет пресытилась журналистикой. Присутствовала на отчетной конференции одного из районов.

– А можно мне тоже получить каталог об итогах деятельности района за 2011 год? – вежливо спрашиваю девушку за столиком регистрации. И объясняю ей, для чего мне нужен этот чертов каталог.

– Нет, – четко, как в армии, отвечает девушка, подвинув стопку этой макулатуры к себе. – Каталоги выдаются только зарегистрированным участникам конференции.

– Но до начала конференции осталось пять минут, а у вас в остатке этих каталогов, по меньшей мере, штук сто! Я могу при вас выписать нужные цифры и вернуть его обратно.

– Я же говорю вам – НЕТ! – почти закричала девушка и убрала каталоги под стол. – Вдруг, пока вы переписываете, кому-нибудь не хватит!..

В актовом зале администрации былолюдно. На галерке дремали. В первых рядах делились новостями. В середине зала – отправляли смс-ки и разгадывали кроссворды, поло-

жив их для удобства на только что выданный лично в руки каталог...

А я смотрела на весь этот сюр глазами умирающего посреди арены клоуна, которому уже нафиг не нужны ни свет рампы, ни детский смех...

Самое лучшее признание в любви, которое я слышала за последние несколько лет: "Ты для меня – радость. Когда ты неожиданно исчезла, я подумал: "Ну, что ж... Видимо, я настолько грешный человек, что такой радости не заслуживаю...".

-А умирать ты будешь в одиночестве, – набожила пра-пра, раскладывая мне, 16-летней, мой первый в жизни любовный пасьянс. – Хотя... не думаю, что для того, чтобы умереть по-человечески, нужна компания.

Красоту этого чудного места не портит даже присоседившаяся поблизости китайская "Жемчужина", которая явно опрометчиво названа "Балтийской"... Финский залив. Балтика наша! Со всеми примыкающими к ней берегами. И ничего ее не испортит: даже эти унылые бараки из стекла и бетона, которые на ее фоне – просто нонсенс.

Сегодня в клубе "Балтиец" – 500 яхт. Членов клуба – 850.

И ряды их растут и крепнут год от года. Территория гавани – около 22 Га. Не знаю, кто как реагирует на слово "Родина", а я сидела в кабинете командора и жутко гордилась тем, что при помощи обычного энтузиазма и сверхъестественной любви к морю простые русские люди смогли построить для себя сказку на отдельно взятом участке акватории, назвать ее "гаванью" и теперь круглый год ходят в нирвану, как к себе на кухню...

Сына взрослеет и становится воспитанным котом. Три года его учила: запрыгиваешь к матери на колени – убирай когти! Ругалась. По пушистой заднице шлепала! Сегодня сына наконец-то когти убрал – и пролетел над моими коленями как птица!

НИ-ЧЕ-ГО не хочется... работать не хочется. Не хочется вылезать из постели и делать добрые дела. Хочется валяться в подушках, гладить кота, трескать сливочную помадку и мечтать о тонкой талии, ярком солнце, двух неделях отдыха, где-нибудь на юге Франции.

И мужчине с профилем римского легионера.

– Вы принимали меня за идиота, а на самом деле – я просто притворялся. Я его специально включал, – сказал мне один милый впечатлительный мужчина, тащивший тяжелое

бремя руководителя одного широко известного в узких кругах издательства.

Прикинула, как все эти полгода в нем – в энергосберегающем режиме! – горел, мигая, «специально включенный идиот». На аварийке.

Любимый советский анекдот: начало 80-х. Приходит мужик с авоськой в мясной отдел продмага, высыпает на прилавок гвозди, деревяшки, кости, остатки шерсти и не своим голосом кричит:

– Что это, спрашивается?! Что Вы мне вчера по талонам продали?!

Продавщица (невозмутимо):

– Вот только не надо здесь орать! Что у Вас в продуктовой карточке написано? Так и есть! Собачатина 4-й категории. А собачатина 4-й категории, к Вашему сведению, рубится вместе с будкой!

Сказка рядом....Как подумаешь, что работаешь наискосок от того здания на Гороховой, в котором некогда лежал на диване сам Илья Ильич Обломов – угасающая совесть русской патриархальной жизни – захватывает не только дух, но и часть головного мозга, ответственную за память!

В этом, наверное, и есть основной изъян российской ментальности – всегда извиняться за свое прошлое. Крушить памятники. Переписывать историю. Стесняться вчерашних героев... Будто придет кто-то чудовищно авторитетный и по башке за это даст... Противно, аж жуть!

Устала от холода и беспросвета. Мотаешься все выходные по городу, смотришь "подходящие" для аренды варианты. А потом объясняешь коту, что его маргинальное существование, практически "нон грата", приравнивается при съеме жилья к хранению наркотиков в особо крупных размерах... Шутка ли – восемь кило!

Эти квартиры и комнаты не предназначены для жизни... В них можно разводить кур и кроликов, клонировать хомячков, хранить боеприпасы и старую мебель. Можно даже устроить закрытый бордель для "своих". Для тех, кого не смущает запах старья, и кто никогда не моет руки перед едой. Короче, я в шоке, народ. Я в шоке и в тихом ужасе. Мы с котом уже готовы стать бродячими артистами. Моральный закон – во мне, звездное небо – над головой.

Пару лет назад ко мне в друзья в ВК попросилась одна милая барышня. Долго ставила мне скобки в каждом посте, охала, ахала, а потом попросила оценить свои "перлы" и прислала "Притчу про муравья" ...на восьми листах!

– Ну, как? – спросила она меня через пару часов. – Правда, слезу вышибает?

Я ответила честно. Попала в бан. С тех пор опасаясь оценивать чужих "муравьев".

"Картинки с выставки": в продмаге над корзиной с пасхальной выпечкой – ценник "Кулич пасхальный, освященный. Цена 75 рублей". Над соседней корзиной – "Кулич пасхальный. Цена 60 рублей". Путем несложных арифметических действий можно вычислить, что 15 рублей мы доплачиваем за переход "просто кулича" в категорию "кулича са-крального" ...

В этой связи вспоминается почему-то Антон Палыч с его "Помилуйте, а за что же еще 75 рублей? – Как за что? За любовь...".

А впереди всех нас ожидало капризное питерское лето. Для одних оно было насыщено криками чаек за окном, ливневыми дождями, грозами, умытыми фасадами причудливых старинных домов, разноцветными зонтиками... А для других – внесезонным мерцанием голубого экрана монитора. Потому что для виртуально зависимых людей и дожди сплошь – косые, и чайки кричат на пол-октавы ниже.

Работаю на авторском проекте «Дети Блокады». Встречаюсь с удивительными людьми, которым пришлось пройти через тот Ад.... Узнаю, что у городской детворы за первый блокадный год успели сложиться и свои байки. И крысы фигурировали в них на первых ролях. Вот и маленький Веня Блохин еще тогда усвоил, что с крысой надо дружить, тогда она не набросится и ночью не сожрет. А быть съеденными крысами измученные голодом дети боялись не меньше, чем бомбежек.

– Популярна была, например, такая байка, – вспоминает Вениамин Александрович. – Ехал мужик на лошади на продовольственный склад, а дорогу ему тысяча крыс переходила – на водопой шли. Крысы прошли, а после себя оставили два скелета. Ох, как мы тряслись от таких рассказов! Поэтому пятилетний Веня благосклонно разрешил крысам играть в свои игрушки. Крысы альтруизм мальчика оценили. И каждую ночь катали по паркету стеклянные игрушечные яйца – новогодние украшения. Как-то мама Мария Леонидовна нашла одно из них – изрядно подъеденное... Крысы тоже голодали.

Дням рождения и радуешься-то только в детстве! Прямо как дурак! Или как дура. Накануне этого расчудесного дня почти не можешь уснуть. Боишься пропустить самое важное

– торжественный момент выноса подарков. Подарки начинают вносить с раннего утра. Сначала мама – платье и куклу. Ты, сонная, выползаешь из-под одеяла, берешь куклу и подставляешь для поцелуя... нет не губы, нет, все, все лицо.

Мама расцеловывает тебя так, будто это – первый из твоих "дней рождения" – лоб, нос, щеки, глаза. – Ты – мое сокровище, – говорит она и пытается расчесать твои спутанные волосы. – Давай наряжаться, дочка, гости ждут... За большим праздничным столом собирается вся семья. – Да вы сдурели – ребенку такой кусок торта класть! – ругает моих родителей прабабушка. – Сейчас все слопает, и – караул! Физиономия "зацветет"! – Пусть цветет, Серафима Михайловна, – вступает за меня дед. – Наисвежайший торт. Я сам, сам выбирал.

На диване в гостиной разложены и другие платья. – Не надевайте на Юлочку синее, она сегодня бледненькая как стена, – говорит бабушка. – Нина, стены – зеленые, – снова включается дед. – А на синем – богатый атласный воротник с брошью. Пусть наденет его.

– Мы наденем бордовое, – упирается бабушка. – И бантик повяжем. Беленький!

– Сколько их вообще, этих платьев? – грозно спрашивает

возвратившаяся с кухни пра-пра.

– Пять, – небрежно отвечает бабушка, поправляя тугие локоны. – Потому что к лету девочка из них уже вырастет. – Израстет, – зачем-то добавляет дед. – Хоть и взрослые уже, а – дураки, – бормочет пра-пра и возвращается со мной на кухню. Распаковывать целлулоидное детское счастье.

Отмахнувшись от очередного поклонника в переполненном метро, сделала для себя неутешительный вывод, что на меня западают, в основном, "дети", пенсионеры и мужчины среднего возраста со средним интеллектом.

Как сказала одна мамина хорошая знакомая: "Светочка, а тебе не кажется, что на этом фото твоя Юлечка похожа на маленького Ленина?". Я услышала и полночи проплакала. Что я – и не девочка вовсе, а реинкарнированный Ильич.

Некоторые мужчины фразу "Я люблю тебя" произносят в паре с фразами: "Сколько тебе нужно денег, чтобы ты смогалась погулять и хотя бы на время оставила меня в покое?", "Ты же знаешь, что все мои вечерние задержки – исключительно по работе, поэтому не надо истерик", "И буду всегда любить, даже еще сильнее, если ты, наконец-то заткнешься, и дашь мне посмотреть этот футбольный матч". Или коротко "Сходишь за пивом?".

-А давай мы закажем тебе еще один кусок торта? Трюфельного? – спросил едва знакомый мужчина. – Как ты на это смотришь? – Я украдкой поймала свое отражение в зеркале кафе и отрицательно завертела головой. – Нам трюфельный и молочный коктейль, – диктовал мужчина официанту. Я улыбнулась улыбкой раненого шрапнелью селезня. Другой у меня в последнее время не бывает. – Два куса, – уточнил мужчина, пожалев селезня. – И побольше, побольше шоколада. Моя девушка, оказывается, умеет улыбаться.

-Ну, а плакать – это вообще последнее дело! – голосом "Пионерской зорьки" прокричала в телефон подруга. – Ты просто выйди на улицу, подставь лицо весеннему солнцу и радуйся жизни!..Вышла, подставила, стряхнула с очков дождевые капли, запахнулась, съела леденец, всхлипнула, остановила маршрутку, поймала на плеере "Let it be" , вернулась и...заснула счастливой.

Трясусь утром в троллейбусе. На одной из остановок входит пожилая супружеская чета. В руках у женщины – букет белых хризантем. Супруги едут молча. За остановку до Серафимовского кладбища женщина звонит кому-то по "мобильнику": "Ну, что, мы с Колей подъезжаем. Скажи Тамаре, что цветы покупать не надо. Коле вчера подарили на юбилей, я их с собой взяла".

Почему из всех пьес Александра Николаевича Островского я более всех люблю "Бесприданницу"? Это – единственная пьеса мэтра русского театра, которая выстроена четко в соответствии с канонами классической древнегреческой трагедии. Она – на века.

Есть некий женский образ, скорее, условный, который служит в пьесе своеобразным

медиатором... Как скатерть-самобранка или гусли-самогуды... Через его "функционирование" в пьесе (жизни в нем нет) удобно раскрывать всю мерзость мужских поступков... А мужики-то, кого ни возьми, все – боги первого и второго плана! Роняют кубки, трясут мошной, сражаются на мечах... игрушечных. Бедная, измотанная предательствами девочка – тоже кукла, которой можно оторвать руку, ногу, свернуть ей шею – она не чувствует боли... Она – призрак. Она умерла еще в первом акте...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.